

PRo что будет книга

Я — Александр Чумиков. Друзья, товарищи, приятели — по восхождениям, по бане, по учебе в различных заведениях — зовут меня «профессор». Я и вправду профессор, со всеми положенными атрибутами.

Сейчас мне 53 года, а в 1996 году, когда стал профессором искренне уважаемого мною МГУ им. М. В. Ломоносова, было 41.

А еще я нахватал целую кучу всяких общественных званий-должностей типа академика и даже президента Академии политической науки, академика и члена президиума Национальной академии социальных технологий и много чего другого.

Все правда, но не главное. А главное в том, что я — пиарщик. Что это такое, разжевано в 10 из 14 моих книг. Эта, стало быть, пятнадцатая.

Профессор и пиарщик — разные вещи? Ну почему же! Оба понятия можно объединить красивой аббревиатурой «PR». А потом имплантировать ее в оба слова: PRофессор, PRщик. Второе — что-то не очень. Лучше — PRофессионал.

Помню рассказ Ивана Бунина «Бернар». Там старый моряк говорит, умирая: «Кажется, я был хороший моряк». И сам Бунин признается, что хотел бы сказать о себе то же самое. Так и я хочу! Разве это плохо звучит: «Кажется, я был PRофессионалом?». И в данном качестве делал жизнь свою и влиял на окружающих, а не просто плыл по течению.

Вот об этом и будет книга.

* * *

Вы окунетесь в своеобразную PR-хронику, привязанную к конкретным годам, начиная с 1991-го, когда началась новая Россия и когда я стал проявлять себя в указанном выше качестве.

Каждому году сопутствовали значимые события, организации и, конечно же, люди. Как к этому всему подходить? Многие авторы сразу

заявляют: все события и персонажи вымышленные, все совпадения случайные — дабы обезопасить себя от неприятностей.

Но я выбираю другую тактику. Все описанные в книге события действительно имели место. Что же касается организаций и людей, то подавляющее большинство из них назову по именам и фамилиям — ровно тем, которые организациям и моим героям принадлежали.

В немногих случаях сделаю исключения — когда информация о лицах и организациях может считаться конфиденциальной либо существуют иные юридические или этические ограничения. Но вымышленных фамилий и названий употреблять все равно не буду.

Это не автобиография! И не полная хронология событий! И далеко не про всех родственников, а тем более знакомых и партнеров здесь написано. Мания величия меня вроде бы еще не «подбила». Поэтому старался писать о том, что *вам, читателям*, как связанным с PR, так и нет, может показаться интересным.

Ну, вперед, что ли.

1991

Горы и путч

16 августа 1991 года на Северном Кавказе, в Кабардино-Балкарии, мы рубились на «пятерочную» вершину (в альпинизме все вершины подразделяются на шесть категорий трудности) Тютю-Баши. Тремя двойными связками лезли по скалам, ползли по острому гребню, на который иногда буквально приходилось садиться верхом, вертели ледобуры в белую стену и, наконец, достигли вершины. Пробыв на ней минут тридцать и перекусив, рванули вниз. Заблудились, наступила темнота, переночевали в мокрой палатке на леднике, плутали еще полдня, а потом вышли на знакомые ориентиры.

17 августа устроили еще одну ночевку в базовом лагере, а 18-го вечером добрались до маленького городка Тырнауз в Баксанском ущелье. Добыли трехлитровую баночку вина и, в ожидании попутного транспорта, который должен был доставить нас поближе к альп-лагерю «Эльбрус», ее прикончили. В лагерь пришли к полуночи и завалились спать.

19 августа мы с врачом и моим давним другом Анатолием Рябовым планировали вновь добраться до Тырнауза и там заночевать, чтобы не опоздать на улетавший утром 20-го из Нальчика в Москву самолет. Пошли на склад сдавать снаряжение, а там чудноватый с виду завскладом Коля говорит:

- В Москву? Давай-давай: как раз вас танки-то и встретят!
- Что за бред? Какие танки?!

Подробности о том, как видел в Тырнаузской гостинице по телевизору «знаменитые» трясущиеся руки ГэКаЧеписта Геннадия Янаева, как добирались до Москвы, как не взлетал самолет, не работали эскалаторы в метро; что творилось на улицах, опускаю — все это многократно описано, а нам надо двигаться в сторону пиара.

Но все-таки еще немножко прелюдии. Поскольку я не был ни апологетом низвергаемого режима, ни диссидентом, ни поклонником назревающего и неизвестного нового, то мне не нравилось *все* происхо-

дящее. И уже 21 августа вечером я уехал в далекую деревню Казеевка Пензенской области, где отдыхали жена Галя и десятилетний сын Тимофей. Жег на огороде костер, жарил шашлык, пил водку — не с горя и не с радости, просто с удовольствием от сочетания с простой неполитической природой. А когда вернулся в Москву дней через пять, PR сразу и начался.

Префект Брючихин и «Точка зрения»

В 1989 году я поступил в аспирантуру элитного заведения под названием Академия общественных наук ЦК КПСС. Очно учился первый раз в жизни, обилие свободного времени было необычно. Поэтому с удовольствием принял предложение создать и стать главным редактором московской общественно-политической газеты «Точка зрения». На партийные, заметьте, средства. И газета, и немножко денег на ее счету (которые никто не собирался ни отбирать, ни замораживать) продолжали существовать и в конце августа, после несостоявшегося путча.

Не успел я появиться в Москве, как мне позвонили от Алексея Михеича Брючихина, сказали, что есть какие-то виды на газету, и пригласили на встречу. Кто такой Брючихин? Сейчас его, конечно, подзабыли, а тогда он был очень популярен. Первый секретарь Севастопольского райкома КПСС Москвы и председатель Севастопольского райсовета, член Политбюро Российской компартии, он позиционировался как представитель ее демократического крыла, один из активистов популярного клуба «Коммунисты за перестройку». И незадолго до путча назначается префектом Западного округа — нового административного образования, детища тогдашнего мэра Москвы Гавриила Попова. Округа, административный передел были призваны бескровно угробить неудобный Моссовет, крикливые райсоветы и развязать руки новой власти. Но префектура округа к осени 91-го представляла собой явление почти эфемерное — без средств, полномочий, а порой даже и помещений — и, разумеется, нуждалась в информационной поддержке.

— Вы могли бы объединить усилия нескольких районных газет и создать единую, окружную? — спросил-предложил Брючихин.

— Да, конечно, — ответил я. — А ресурсы вы вложить намерены?

— На первом этапе попробуйте обойтись своими.

— Но хоть учредителем префектура выступит, поддержку окажет?

— Обязательно!

Буквально за неделю мы за свои деньги сделали газету и назвали ее, естественно, «Западный округ» — вполне оригинально по тем временам. Во всю первую полосу — карта района с фотографией здания бывшего Кунцевского РК КПСС на улице Ивана Франко, где разместилась префектура, и крупной надписью: «Новая власть — здесь».

Внутри — интервью с префектом, фотографии и краткие рассказы о членах его команды, схема нового властного устройства в Москве, информация о полномочиях супрефектов (по-нынешнему — глав управ районов).

Часть тиража отвезли в префектуру, другую пустили в розничную продажу. Газету продавали «дистрибьюторы» — дети, студенты, бабушки и дедушки; а также иные лица, верившие, что таким образом можно улучшить материальное положение и даже начать собственный бизнес. Тираж буквально «разлетелся», поскольку узнать про новую власть тогда было почти неоткуда.

А я подбил нескольких друзей-предпринимателей в учредители и вновь пошел к Брячихину.

— Вот хорошо-то! Давайте все соберемся, потолкуем.

Собрались, потолковали.

— Ну, так выступит префектура учредителем?

— Да я же сказал! — и Брячихин первым поставил под учредительным договором свою подпись и печать.

На следующий день мне позвонил помощник Брячихина и сообщил, что окружное издание будет создаваться... на базе другой газеты. Что ж, префект своему слову хозяин: хочет — даст, хочет — назад заберет.

Из моих «крестников» Алексей Михеич создал совет предпринимателей.

А что с «Точкой зрения»? Да все нормально! Зарегистрировал ее на себя и других физических лиц. В следующие 3–4 года газета выходила исключительно тогда, когда был спецзаказ на все содержание и весь тираж: под фестиваль «Красная площадь приглашает», под «Московский Сити» (о них я еще расскажу), под новую политическую партию. В то время желающих и способных зарабатывать деньги на газетных спецпроектах было еще не слишком много.

В середине 90-х годов «Точка зрения» перестала быть востребованной и спокойно, без надрыва ушла в небытие.

Надо сказать, что я начал мечтать о журналистике в 9-м классе, когда попал в гуманитарный класс 67-й московской школы (ныне — гимназия 1567). В 10-м ходил в школу юного журналиста на журфаке МГУ

и печатался в «Московском комсомольце». Поступал на журфак и недобрал баллов, загремел в армию, потом — опять поступал и успешно, окончил и... работал совсем не в журналистике, а в комсомоле и партии. Но по журналистике скучал. Впрочем, скучай — не скучай, а проявиться тогда в качестве журналиста было трудновато. Я публиковал, конечно, что-то — одну-две-три статьи в год, но удовлетворения не испытывал.

И вот осенью 91-го меня просят подготовить какой-то материал для новой газеты «Вечерний клуб», а затем приглашают туда на работу — всего-навсего спецкором, а позже обозревателем. Согласился и бросился в пучину абсолютно свободной журналистики. Писать тогда можно было все и обо всем, что я и делал, не желая никакой другой жизни. Вряд ли это можно назвать пиаром — я занимался самой настоящей журналистикой, хотя материалы, конечно же, работали на имидж конкретных людей, организаций, проектов.

Что еще было в 91-м? В декабре защитил диссертацию по теме «Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления». Заведение наше переименовалось в Российскую академию управления (ныне — Российская академия государственной службы при президенте РФ) и отчаянно боролось за выживание. Данная задача решалась сложно, поскольку процентов восемьдесят аспирантского контингента работало над партийной тематикой. Поэтому меня и вынесли на защиту буквально на руках — смотрите, мол, у нас и реальная наука есть. К тому же с модным названием «конфликтология». Ее в качестве научного направления, способного приносить прикладные результаты, а заодно и денежный доход, я пиарил на протяжении последующих 5–7 лет.